Абаев Николай Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, заведующий лабораторией цивилизационной геополитики Института Внутренней Азии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: kol-bugra@yandex.ru
Abaev Nikolay – Doctor of History, Professor, the Head of Laboratory of Civilizational Geopolitic, Inner Asia Institute, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: kol-bugra@yandex.ru

Фельдман Владимир Романович **-** кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, Тувинский государственный университет, г. Кызыл, e-mail: vf5182@gmail.com
Feldman Vladimir **–** Candidate of Political Sciences, Associate Professor, the Head of Department of Philosophy, Tuva State University, Kyzyl, e-mail: vf5182@gmail.com

УДК 327(517.3)
DOI 10.18101/2306-753X-2015-2-11-20

© В. И. Терентьев

Государственная политика нациестроительства в МНР и становление этнического самосознания западных монголов

В статье показано как государственная национальная политика Монгольской народной республики, направленная на создание единой социалистической нации, актуализировала территориальные и этнические идентичности у западных монголов.
Ключевые слова: МНР, нациестроительство, западные монголы, этническое самосознание.

© V. Terentyev

State policy of nation-building in Mongolia and the formation of ethnic self-conscience of western Mongols

The article describes the national policy of the Mongolian People's Republic. Creating a unified governance of the socialist nation, it emphacized the territorial and ethnic identity of western Mongols.
Key words: PRM, nation-building, western Mongols, ethnic self-conscience.

20 мая 1924 г. скончался духовный лидер Монголии Богдо-гэгэн VIII Джэбцзундамба-хутухта. Это послужило толчком к провозглашению Монгольской Народной Республики, что было закреплено 26 ноября того же года в первой Конституции МНР на I Великом Народном Хурале (далее – ВНХ). Одновременно столица государства получила новое название – Улан-Батор. Любые попытки поиска нового перерождения духовного лидера – Богдо-гэгэна IX со временем были запрещены. Согласно ст. 2 первой главы Конституции основная задача МНР заключалась «в уничтожении с корнем остатков старого порядка и феодальной идеологии, существовавшей при поработителях и угнетателях, и укреплении основ нового республиканского порядка путём полной демократизации государственного управления» [3, с. 346]. Так была легитимирована борьба с «феодальными пережитками».

Этническое самосознание монголов начала XX в. основывалось на родовой принадлежности и целиком пронизывалось религией. Большое значение в социуме занимала аристократия (по-иному, феодалы): князья и ламы. В немалой мере на этническое самосознание играла мифоисторическая память о великом прошлом. Социалистической власти предстояло по порядку искоренить все эти факторы.

Путём просвещения революционеры стремилась убрать остатки старого монгольского общества, основывающегося на буддизме и подчинении князьям, и создать новое, основанное на нации и социализме [17, p. 45]. С целью искоренения феодального строя отменялись все звания, титулы и привилегии прежней власти, а также разные сборы с аратов. В 1924 г. в руках аристократии было уже 35% всего поголовья скота [4, с. 76].

На первое место в МНР стали выходить лозунги социалистической солидарности, затушёвывающие этнические идентичности. Политические обращения государства были построены к социальным группам: *ард түмэн* ‘аратам, простолюдинам’ и *язгуртан* ‘аристократии’ (светской и духовной), – а не к этническим группам народов [22, p. 153]. Подобные обращения были свойственны и раннему Советскому государству, поэтому здесь нет ничего удивительного. Одной из задач внешней политики МНР того времени было «объединение монгольских племён в единое свободное государство, способное защитить религию и интересы народа» [6, с. 140].

Такой принцип закладывался панмонголистами в понятие «монгольская нация», т.е. в современном понимании разворачивался этнокультурный сценарий национализма – соединение политических и этнических границ. Как известно, научный марксизм исключал национальную идентичность как таковую, считая это проявлением «враждебного сознания», и ставил ей в противовес классовую идентичность. Именно поэтому в социалистическое время за понятием «национализм» были закреплены преимущественно негативные коннотации. В этом смысле оно перекочевало и в язык современной российской обществоведческой науки. В МНР этого периода понятие «национализм» воспринималось именно в таком ключе.

В Программе МНРП 1925 г. была определена главная национальная проблема страны – халха-центризм, или, халхаский национализм, на борьбу с которым была направлена дальнейшая партийная работа. В этом документе читаем призыв «полностью уничтожить дискриминацию между слабыми, маленькими аймаками и халха-монголами» и «уважать человека, подлинную свободу и права других людей» [Булаг, 2011, х. 214]. В 1926 г. в правительстве МНР был поднят вопрос об отделении (автономии) Кобдоского округа, но позже в докладе делегатов Коминтерна на VII съезде МНРП (27 сентября 1928 г.) это было исключено, т.к. такая самостоятельность «будет играть на руку захватнической политике империалистов» [7, с. 340].

В продолжение уничтожения в МНР феодального господства аристократии из-под гнёта высвобождались «малые народы» или «малые этнические группы» (монг. *бага ястан*). Эта операция не только создала понятие *бага ястан*, но и саму этническую иерархию по принципу численности, разделив население на две категории, что было в ключе политики социалистического нациестроительства [15, 2011]. Такой подход формировал у нехалхаских народов представление о своей уникальности и укреплял их местные идентичности.

По одной из версий, известный общественно-политический деятель Ц. Жамцарано адаптировал для монгольского языка русскоязычные термины: род – *овог*, племя – *аймаг*, народность – *ястан*, нация – *үндэстэн*. Введение им в оборот одного из главных понятий *ястан* оспаривается У. Булагом [Там же, х. 216 – 217]. Ц. Жамцарано также ввёл понятие гражданской национальности. Живущие в пределах МНР – *монгол үндэстэн*, живущие за границей – *монгол овогтан* ‘монгольские племена’, т.е. «группы с общими корнями и языком» [13, с. 112].

В процессе строительства монгольской нации *үндэстэн* за культурно-языковой стандарт были взяты численно доминирующие халха. За этническими меньшинствами *бага ястан* закрепилось клише «феодальный пережиток», им была отведена низшая ступень в этническом процессе. Ещё в 1925 г. в условиях борьбы с такими пережитками «было отменено использование названия рода в имени» [12, с. 308]. Меньшие группы поглощались большими, создавая крупные «социально-политические единицы», составляющие социалистическую нацию [13, с. 113].

Ястан стала фиксироваться в паспортах. Вопреки мнению Д.А. Сниса [22, p. 159], этнические группы *ястан* не были сконструированы в эпоху социализма, но были, безусловно, в это время по-новому концептуализированы: была сформулирована сама терминология. В контексте построения социалистической нации коллективная идентичность и риторика классовой борьбы берут верх над этнической идентичностью, что выливается в повсеместное (в т.ч. и в народе) представление об *ястан* как феодальном пережитке.

Постепенно идеология «революционного панмонголизма»[1] изживает себя, и это движение на VII съезде МНРП (октябрь – декабрь 1928 г.) характеризуется как «узкий и опасный национализм». Подобное определение сохранится за ним на всём протяжении социалистической истории. С этого времени в МНР начинается «левый курс», или «левацкий эксперимент», продлившийся до 1932 г.

В июле 1930 гг. правительство МНР утвердило при Малом Хурале Совет по нацменьшинствам (монг. *Бага ястны зөвлөл*). Проблема халхаского национализма продолжает остро стоять на повестке дня. Этот вопрос получит обсуждение в 1932 г. в резолюции Коминтерна: «Борьба против халхаской великодержавности как главной опасности и против местного сепаратизма является важнейшим условием полного единства всех трудящихся, населяющих МНР… Надо создать широкие партийные, ревсомольские организации из коренной национальности, предоставить китайским рабочим активное избирательное право и вовлечь в государственный аппарат представителей национальных меньшинств и улучшить их хозяйственное и культурное обслуживание» [8, с. 341].

Кроме мирной национальной политики существовали и репрессивные меры в отношении старой аристократии и, в первую очередь, духовной. Буддизм был не только главным явлением старого мира, крупнейшим «феодальным пережитком», но и идеологическим противником социалистической теории. По информации К. Хэмфри, имя бывшего правителя и главы церкви Богдо-гэгэна VIII с целью дискредитации всей религии очерняется на протяжении первого десятилетия новой власти: распространяются слухи о его сумасшествии, алкоголизме и т.п. Ему приписывается образ одного из главных врагов социализма [16, p. 21 – 22].

С 1929 г. начались первая коллективизация, конфискация имущества у бывшей аристократии, введение прогрессивного налогообложения для монастырских хозяйств [4, с. 89 – 90]. Решениями VIII съезда МНРП (февраль – апрель 1930 г.) сокращение духовенства было продолжено. Шло сокращение поголовья скота, продолжалась общая дестабилизация ситуации в МНР. Политика «левого курса», в конечном счёте,

---

[1] На этом начальном этапе Коминтерн полагал, что панмонголизм как фундамент революционного движения будет способствовать «пробуждению национального самосознания монголов» [Лузянин, 2003, с. 103].

привела к гражданской войне 1932 г. (определение С.Л. Кузьмина), охватившей территории бывших Чандмань-уульского и Цэцэрлэг-Мандал-уульского аймаков. Причём наиболее яростно люди сопротивлялись в современных районах Увс, Завханского и Хубсугульского аймаков. Факт того, что в ряду повстанцев были рядовые араты, демонстрирует не только их недовольство политикой «левого курса», но и сохранение религиозной идентичности, продолжающей иметь большое значение.

Буддистская церковь, по-прежнему, оставалась главным врагом новой идентичности. В начале 1930-х гг. ещё до массовых репрессий 1937 – 1939 гг. проводится серия показательных судебных процессов в отношении высших лам. Таким способом государство искореняло народную веру, дискредитируя в глазах людей религию, и готовило население к грядущим репрессиям [18, p. 322]. В эти годы издаются карикатурные плакаты, пропагандистские книги и журналы, указывающие на жадность высокопоставленных лам. В 1934 г. принят закон, ограничивающий проведение религиозных обрядов в общественных местах. «Это не запрет на религию, а, скорее, разрушение её» и выработка дистанции между людьми и буддизмом [Ibid., p. 325].

28 сентября 1934 г. делегаты Коминтерна В. Коларов и Б. Шмераль в своей приветственной речи, сделанной на вечернем заседании IX съезда МНРП, отмечали, что «развитие здоровой национальной культуры должно [привести] к полному освобождению аратства от пут контрреволюционного ламства, к укреплению обороны страны» [8, с. 374].

Репрессии против духовенства начались 10 сентября 1937 г. К этому времени Х. Чойбалсан уже стал фактически авторитарным правителем МНР. Всего, по разным оценкам, за 18 месяцев было убито ок. 36000 чел. и разрушено 700 монастырей, т.е. ежемесячно сносилось 40 монастырей. Так окончательно был разрушен стержень старого мировоззрения, основа общемонгольской идентичности. В 1944 г. в русле общей политики послабления религии были восстановлены богослужения только в единственном монастыре – столичном Гандане.

Несмотря на победу социалистического правительства в битве с буддистской церковью, учёные МНР в 1950 – 1960-е гг. собирают фольклор, очерняющий лам и религию, продолжается высмеивание Богдо-гэгэна [16, p. 34 – 36].

Важным внешнеполитическим событием, ускорившим консолидацию монгольской нации, стала война на Халхин-голе 1939 г. против Японии. К сожалению, в работах, освещающих эти события, практически не уделяется внимание состоянию монгольского общества. Можно идти вслед за критиками и ревизионистами концепта «советско-монгольской дружбы» и утверждать, что в это время у населения МНР отсутствовал народно-патриотический порыв в деле отстаивания независимости своей родины, а весь энтузиазм был следствием пропаганды. Вопреки этому стоит полагать, что здесь мы столкнулись с проявлением хорошо развитого у монголов чувства гордости и любви к своей родине, как в локальном отношении (вспомним понимание ‘родного кочевья’ *нутаг*), так и в глобальном (вся Монголия).

В марте 1940 г. на X съезде МНРП среди прочего обсуждался и национальный вопрос, требовалось усилить политико-воспитательную работу среди «нацменьшинств», которую необходимо проводить на национальных языках [4, с. 111]. Этому способствовали казахо-урянхайские конфликты из-за пастбищ, существовавшие ещё в конце XIX в. Всё это привело к выделению в этом же году национального Баян-Ульгийского аймака казахов.

Победа в войне на Халхин-голе 1939 г., положительное решение казахского и «ламского» вопросов, как и другие достижения на пути к социализму, окончательно обосновали завершение первого этапа революции (т.н. «демократического») и, соответственно, нациестроительства. Теперь всё было направлено на строительство соцстроя с соответствующей социалистической монгольской нацией.

30 июня 1940 г. VIII ВНХ утвердил новую Конституцию МНР. Статья 1 гласила: «Монгольская Народная Республика есть независимое государство трудящихся (аратов-скотоводов, рабочих и интеллигенции), уничтоживших империалистический и феодальный гнёт, обеспечивающее некапиталистический путь развития страны для перехода в дальнейшем к социализму» [5, с. 37]. Юридически констатировалась эволюция старых сословий (зависимых аратов, князей, лам) в социальные классы. Следующий этап строительства социалистической нации началась с реформы системы графики монгольского языка.

25 марта 1941 г. Президиум ЦК МНРП и Совмин МНР приняли Постановление «О введении нового монгольского алфавита». Начался перевод письменности со старомонгольской *монгол бичиг* на кириллицу и прекращение использования латиницы, введённой 26 июля 1940 г. Главным аргументов было то, что старый алфавит труден в изучении и тормозит ликвидацию неграмотности, а в латинском алфавите отсутствуют «нужные для монгольского языка знаки». Овладение кириллицей будет способствовать скорейшему изучению русского языка, на котором, по утверждению Х. Чойбалсана, опубликована «вся революционная литература, нужная нашему свободному народу». В ноябре 1942 г. принято постановление «Об обучении трудящихся масс новой письменности», благодаря которому в 1950 г. было грамотно 73,5% населения страны. С 1 января 1946 г. всё делопроизводство и печать переводилось на новую графику [4, с. 164 – 165]. В 1963 г. 90% населения старше 7 лет овладели грамотой [3, с. 494]. Это и предшествовавшая ликвидация духовенства ознаменовало собой рождение новой интеллигенции в МНР. Кириллица явилась фактором сближения с СССР и вхождения в семью социалистических народов. Дальнейшая практика формирования кадров в СССР с обучением на русском языке формировала новую прослойку людей – интеллигенции.

Следующими после войны на Халхин-голе событиями, испытавшими на прочность нацию и монгольский патриотизм, были Великая Отечественная и Освободительная войны[1]. Уже 22 июня 1941 г. на объединённом заседании Президиума Малого Хурала, Совмина МНР и Президиума ЦК МНРП принимается постановление, содержащее «призыв к монгольскому народу развернуть патриотическое движение за оказание помощи советскому народу». В стране развернулась кампания по сбору средств в фонд обороны родины и СССР, были открыты центральная и местные (по аймакам) комиссии. В общей сложности за весь период войны из МНР было отправлено 11 эшелонов с тёплой одеждой, обувью, продуктами питания и подарками на сумму более 60 млн. тугр. (по курсу 1943 г. 1 тугр. = 1 руб. 26 коп.), были построены танковая колонная и самолётная эскадрилья, поступали постоянные денежные отчисления от рядовых аратов. Страна была охвачена энтузиазмом. СССР в это время выделил на

[1] Официальное в Монголии название военной кампании во Внутренней Монголии и Маньчжурии в августе 1945 г. по уничтожению Квантунской армии.

укрепление обороноспособности МНР военную технику на сумму ок. 100 млн. руб. [4, с. 170 – 173].

Разгром советско-монгольскими войсками Квантунской армии в Освободительной войне и последовавшее международное признание независимости МНР (напомним, до 5 января 1946 г. гоминьдановский Китай не признавал суверенитет Внешней Монголии) ещё больше укрепили в монгольском обществе чувство патриотизма и гордость за свою родину.

Помимо буддизма, обращение к героическому прошлому в этот период также было присуще этническому самосознанию монголов. Если имена западномонгольских культурно-исторических героев просто убирались, то с именем Чингисхана дело обстояло иначе. На раннем этапе МНР (до конца 1940-х гг.) имя Великого хана не табуировалось, как это будет при позднем социализме (начиная с 1962 г.): издавались научные работы, учебные пособия, в которых героизировался «Чингисхан, сын Монголии» и период его правления [20, p. 156 – 158]. Это явно не вписывалось в марксистко-ленинскую интерпретацию исторического процесса.

На декабрьском пленуме ЦК МНРП 1949 г. было принято постановление «О книге для чтения аратов», или «О Народном учебнике аратов». Учебник был издан годом ранее. В постановлении осуждалось отсутствие критической марксистской характеристики Чингисхана и идеализация феодального прошлого страны. В принятом тогда же постановлении «О преподавании истории и литературы МНР в учебных заведениях» осуждалось проявление национализма в некоторых учебных курсах и материалах. Предписывалось на изучении революционного периода истории и литературы МНР отвести не менее 50% аудиторного времени [4, с. 185 – 186].

Это были первые запреты классического для монголов способа интерпретации образа Чингисхана и времени его правления. Из общественного сознания фигура хана не сойдёт вплоть до падения социалистического режима. К примерам проявления этого обстоятельства (или фактора, способствующего этому) относится освещение Чингисхана в школьных учебниках и исторических работах, издаваемых до конца 1980-х гг. [20, p. 161].

Политика централизации народов вокруг халха привела к тому, что от 23 «малых народов» *ястан*, насчитываемых в 1956 г., к 1969 г. остаётся только 10. Пропавшие без вести стали подгруппами халха-монголов либо попали в безликую массу «прочих». Число «прочих» стремительно растёт: 1963 г. – 47,7 тыс., 1969 г. – 59,1 тыс., 1979 г. – 87,9 тыс. [9, с. 90 – 91]. На основании опубликованных на сайте Столичного статуправления материалов стоит полагать, что ответы горожан, а возможно и всего населения страны, корректировались переписчиками, поскольку численность основных народов, проживавших в Улан-Баторе, сегодня известна и, вероятно, скрывалась при социализма [23].

В учебниках по истории избегается изображение ойратских героев, что приводит к нивелированию самобытной западномонгольской идентичности. Школьный курс выстраивается в халха-центричном ключе, что частично сохраняется по сей день. В 1930 – 1940-е гг., по сообщениям информантов Э.П. Бакаевой, происходила борьба с ойратским *дээл* и со специфической верхней одеждой западных монголов – тэрликами [1, с. 103].

К. Каплонски утверждает, что ношение любым монголом традиционной одежды признавалось националистическим актом, хотя и сообщалось, что отдельные высокопоставленные чиновники продолжают облачаться в дээл, как минимум у себя дома.

Традиционный народный праздник *Наадам* – состязания монгольских мужчин по трем видам спорта: скачкам, борьбе и стрельбе из лука – стал интерпретироваться согласно идее И.В. Сталина: «Национальное по форме, социалистическое по содержанию». Осуждались любые попытки отмечать его как имеющий этнический окрас. Празднование традиционного монгольского Нового года по лунному календарю *Цагаан сар* с 1950-х гг. также оказалось под запретом. Считается, что этому немало поспособствовала смерть Чойбалсана в 1952 г., пришедшая в канун праздника. В конце концов, были сделаны некоторые попущения для жителей сельской местности [20, p. 151].

В советской этнографии исчезновение деления монголов на западных и восточных и унификация обрядности, происходящие в МНР, именовались национальной консолидацией этнографических групп страны вокруг ядра монгольской социалистической нации – халха. Параллельно со всеми этими процессами в МНР реформировалась социальная структура общества, создавались новые классы и, в первую очередь, пролетариат. Отсутствие крупной промышленности до начала 1930-х гг. затрудняло этот процесс. В этих условиях 22 июля 1931 г. член Президиума ЦИК СССР С.А. Чуцкаев в докладе «Очередные задачи советского инструктажа» отмечал увеличение числа рабочих, что ведёт к «росту национального самосознания монголов». Поскольку трудящиеся знают, что «строят государство для себя» [8, с. 162]. Желание видеть наличие в социальной структуре МНР рабочего класса не соответствовало действительности.

Согласно официальной статистике динамика роста рабочего класса (в процентах от общего числа населения) выглядит следующим образом: 1956 г. – 25,9%, 1963 г. – 46,5%, 1969 г. – 56,4%, 1979 г. – 61,7%, 1985 г. – 65,1%. Остальные – это, соответственно, араты. Где-то между ними размещалась интеллигенция [9, с. 89; 4, с. 297]. Этническое самосознание продолжало замещаться классовым.

В принятой 6 июля 1960 г. новой Конституции говорилось, что общество МНР состоит из двух классов: крестьян и рабочих. В 1969 г., как и говорилось, насчитывалось только 10 *ястан*: халха составляли 76,7%; казахи – 5,3%; дербеты – 2,9%; буряты – 2,5%; баяты – 2,1%; дариганга – 1,7%; урянхайцы – 1,3%; захчины – 1,3%; торгуты – 0,6%; олёты – 0,6%; прочие – 5,0% [4, с. 226].

Формировавшийся в процессе истории МНР патриотизм носил экспрессивный характер с опорой на *нутаг*. Патриотизм не имел национального содержания. Ярким проявлением общественного выражения национальных чувств явилась подготовка и попытка празднования 800-летнего юбилея со дня рождения Чингисхана в 1962 г. К этому мероприятию была выпущена серия марок. В Государственной библиотеке состоялась конференция, на которой никто из членов Политбюро не присутствовал. В газетах публиковались стихи и некоторые материалы конференции [20, p. 153].

Под давлением СССР празднование юбилея хана стало расцениваться как «чрезмерное проявление национализма». Полный сборник материалов конференции так и не увидел свет. К концу года учёные, там выступавшие, должны были отказаться от своих прежних взглядов. Один из главных участников подготовки мероприятий член ЦК МНРП Д. Тумур-Очир был исключён из партии за «антипартийную деятельность» и за «националистические взгляды» (монг. *үндсэрхэх үзэл*). Кроме этого, других особых «националистических инцидентов» в период позднего социализма не было [19, p. 343].

Целой эпохой в истории МНР было время правления Ю. Цэдэнбала (1952 – 1984 гг.) – дербета, уроженца сомона Давст аймака Увс. В его время увеличилось количество дербетов во всех структурах власти. До сих пор в сознании 40-60-летних монголов распространёны убеждения о землячестве Ю. Цэдэнбала. Увеличение плотности выходцев из Увс аймака в Улан-Баторе вело к активизации халхаского национализма. Культурная граница между халха и дербетами пролегала в области языка: западные монголы имеют характерные диалектные особенности, возникшие вследствие заимствований из тюркских языков.

В это время в народе возникает поговорка «Четыре кожи [с копыт] – это не мясо, дербет – это не человек» (монг. *дөрвөн шир мах биш, дөрвөд хүн хүн биш*). В ответ на это получает распространение поговорка «Дербеты – это люди с правящей [руководящей государством] головой» [10, 2015]. Философ Б.А. Бичеев эти поговорки экстраполирует на всех западных монголов и считает, что они возникли в джунгарское время. Он же приводит и несколько иные переводы: «четыре нижние конечности нельзя назвать мясом, четырёх ойратов нельзя назвать людьми; четыре нижние конечности – опора для туловища, четыре ойрата – опора монгольской государственности» [2, с. 164].

Может быть, поговорки возникли в эпоху гегемонии ойратов и противостояния их с халха-монголами в конце XVII – начале XVIII в. Здесь трудно делать какие бы то ни было выводы, поскольку цитируемый автор не ссылается ни на какие источники. На основании часто встречаемых сегодня в народе вариантов поговорок, приводимых нами, считаем более правдоподобной версию появления их при Ю. Цэдэнбале, когда халха-монголы вступили в активную фазу нового этнокультурного диалога с западными монголами. Халха-монголам приходилось постоянно слышать из радиоприёмников и с экранов телевизора от политиков «неправильное», по их мнению, западномонгольское произношение. Халхаский национализм при Х. Чойбалсане был приглушен, но всё равно медленно тлел на улицах столицы. Стоит полагать, что одним из важнейших проявлений халха-центризма в начале истории МНР было отсутствие в госаппарате представителей иных народов. Именно столица, где лицом к лицу сталкивались представителя различных народов Монголии, являлась испытательным полигоном, синтезирующим такого рода национализм. С увеличением миграций такая её роль станет максимально актуальной в современный период.

То, что Ю. Цэдэнбал окружает себя «малограмотными, податливыми людьми, преимущественно из числа своих земляков» ставилось в вину его политическими противниками, пытавшимися свергнуть руководителя ещё в 1964 г. на VI пленуме ЦК МНРП [4, с. 219]. Сплачивание вокруг Ю. Цэдэнбала земляков – это принцип взаимопомощи, присущий дербетам. Это отмечается современными представителями других этносов Монголии. Вот одно их характерных мнений, принадлежащее стороннему наблюдателю, буряту: «Дербеты всегда друг друга тянут. При маньчжурах их чуть не уничтожили полностью, поэтому у них в крови сохранился принцип: “Мы должны стоять вместе”. Дербеты очень сплочённые» [10, 2015]. Так, несмотря на все усилия по выработке единой национальной идентичности, местные этничности не уходили на второй план, но продолжали играть важную роль в этническом самосознании западных монголов.

В конце периода советские и монгольские этнографы констатировали сложение в МНР монгольского народа – «новой исторической общности людей» [11, 1984] – или социалистической нации, сформировавшейся «по закономерностям развития социа-

листического общества» [14, х. 138]. С этим согласны и многие западные антропологи. Так, К. Каплонски считает, что «широкое распространение, и манифестация национальной идентичности должна быть датирована только поздним периодом социализма» [21, p. 18]. Несколько ранее он утверждал, что «цель [строительства социалистической нации] не была достигнута, потому что люди всегда имеют свои собственные представления о том, кто они есть» [19, p. 336].

Итак, на первом этапе социалистического периода главными врагами был объявлен старый строй в лице родовой принадлежности, религии, светской и духовной аристократии. Если с князьями вопрос решат вполне мирным путём через ликвидацию всех их привилегий и имущества, то лам будут уничтожать также и физически, что говорит о сильном влиянии буддизма на первом этапе социалистического периода.

На заре политики нациестроительства в МНР была сформулированы категория ‘малые народы’ *бага ястан*. В целом, любая *ястан* была объявлена феодальным пережитком. Вместе со строительством социалистической нации и выработкой у населения общемонгольской идентичности у нехалхаских народов шли обратные процессы, имеющие в основании своём представление о ‘родном кочевье, родине’ (монг. *нутаг*). Определение «малые» влияло на сложение внутри *ястан* представлений об их малочисленности, ущемлённости (поскольку они были взяты под опёку государством) и, как следствие, уникальности. Так местные идентичности западных монголов возымели свою значимость. Сокращение *ястан*, фиксируемое от переписи к переписи, иллюстрировало одновременно замалчивание своей истинной этнической принадлежности, интерпретируемой государством как пережиток, и необходимость доказательства реализуемого партией и правительством курса. В случае с дербетами, урянхайцами и казахами мы видим иную картину.

Практически полвека инспирированные правительством этносоциальные преобразования и попытки искоренить халха-центризм не имели успеха у такой крупной *ястан* как дербеты. Во время правления Ю. Цэдэнбала (1952 – 1984 гг.) из-за «политики землячества» и увеличения количества дербетов в высших эшелонах власти происходит новый виток «халхаского национализма». Сам Маршал стал культурным героем западных монголов, встав в один ряд с Галданом Бошогту ханом и Амурсаной.

Отрицательные высказывания лично в адрес Ю. Цэдэнбала и по отношению к ситуации засилия дербетов в руководстве страны с одной стороны являются противостоянием между различными политическими группировками, имеющими чёткие этнические границы. С другой стороны, сплачивание дербетов является традиционным для их этнической культуры. Помимо рассмотренных способов выстраивания новой национальной идеологии существенным сюжетом борьбы с феодальными пережитками было реформирование старой административно-территориальной системы, что вело к дальнейшему становлению этнического самосознания западных монголов.

Национальная политика в МНР включала все возможные административные механизмы: искоренение социальной структуры общества через ликвидацию старых сословий, родовой принадлежности, административно-территориального деления и религиозной идентичности, реформирование системы письма и нивелирование мифоисторического прошлого. Политика нациестроительства отчасти увенчалась успехом, сформировав представление об общей социалистической нации, но и привела к несколько иным, неожидаемым результатам, актуализировав этническое самосознание западных монголов.

Литература

1. Бакаева Э. П. Ойраты и калмыки. Ойрат-калмыки? (К вопросу о самоидентификации и самоназвании этноса) // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – №2. – С. 93-110.

2. Бичеев Б. А. Мифолого-религиозные основы формирования этнического самосознания калмыков : дис. … докт. филос. наук. – Ставрополь, 2005. – 381 с.

3. История Монгольской Народной Республики. Издание третье, переработанное и дополненное. – М.: Изд-во «Наука», Глав. ред. вост. лит., 1983. – 664 с.

4. История Монголии. XX век. / отв. ред. Г.С. Яскина. – М.: ИВ РАН, 2007. – 448 с.

5. Конституция и основные законодательные акты Монгольской Народной Республики / Ред. и вступ. ст. С. С. Демидова. – Москва: Изд-во иностр. лит-ры, 1952. – 271 с.

6. Лузянин С. Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911 – 1946 гг. – М.: Изд-во «Огни», 2003. – 320 с.

7. Монголия в документах Коминтерна (1919 – 1934). Ч. I (1919 – 1929) / Науч. ред. Б. В. Банзаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012а. – 527 с.

8. Монголия в документах Коминтерна (1919 – 1934). Ч. II (1930 – 1934) / Науч. ред. Б. В. Банзаров. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2012б. – 491 с.

9. Народное хозяйство МНР за 65 лет (1921 – 1986 гг.). Юбилейный статистический сборник. – Улан-Батор: Центральное статистическое управление МНР, 1986. – 420 с.

10. ПМА, 2015. – Полевые материалы автора, собранные в Улан-Баторе во время прохождения долгосрочной стажировки на базе Монгольского Национального Университета. Январь – май, июнь – декабрь 2015 г. Информаторы: случайные прохожие, жители города Улан-Батора, преподаватели, сотрудники и студенты Монгольского Национального университета.

11. Решетов А. М. О формировании в МНР монгольского народа как новой исторической общности людей // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований. 1982 – 1983 гг. Тезисы докладов. – Ч. 1. – Черновцы: [б.и.], 1984. – С. 407-408.

12. Шмыт А. С. Культ Чингисхана в период Монгольской Народной Республики и в современный период как элемент национальной идентичности монголов // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 4 (47). – С. 307-310.

13. Шмыт З. Нация и этничность в Монголии // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 6. – С. 58-70.

14. Бадамхатан С. Эрдэм шинжилгээний бүтээлүүд. – Улаанбаатар хот: Монголын Үндэсний Түүхийн музей, 2005. – Боть III. –190 х.

15. Булаг У. Э. Монголын угсаатны зүйн үндэс // Угсаатан судлал / Эрхэлсэн С. Чулуун, Б. Баатархүү. – 2011. – Боть XX. – Х. 210-227.

16. Humphrey C. Remembering an Enemy: the Bogd Khaan in Twentieth Century Mongolia // Memory, History and Opposition under State Socialism / Edited by R. S. Watson. – Santa Fe & New Mexico: School of American Research Press, 1994. – P. 21-44.

17. Kaplonski C. Creating national identity in socialist Mongolia // Central Asian Survey. – 1998. – № 17 (1). – P. 35-49.

18. Kaplonski C. Prelude to violence: show trials and state power in 1930s Mongolia // American Ethnologist. – 2008. – № 35 (2). – P. 321-337.

19. Kaplonski C. Reconstructing Mongolian nationalism: the view ten years on // Mongolian political and economic development during the past ten years and future prospect. International Conference Hall Taipei, Taiwan (Aug 23-24, 2000). – Taipei: Mongolian and Tibetan Affairs Commission, 2001. – P. 328-365.

20. Kaplonski C. The case of the disappearing Chinggis Khaan: dismembering the remembering // Ab Imperio. – 2005. – № 4. – P. 147 – 173.

21. Kaplonski C. Truth, History and Politics in Mongolia. The memory of heroes. – London & New York: RoutledgeCurzon, 2004. – 248 p.

22. Sneath D. A. Constructing Socialist and Post-Socialist Identities in Mongolia // Mongolia after Socialism: Politics, Economy, Religion. – Ulaanbaatar: Admon Press. 2012. – P. 147 – 164.

23. Үндэстэн ястны тоо, 1956 – 1010 оны тооллогоор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ubstat.mn/StatTable=41 (дата обращения: 11.08.2015).

Терентьев Владислав Игоревич –кафедра англоамериковедения, Монгольский национальный университет, г. Улан-Батор, Монголия, e-mail: vlad33@bk.ru

Terentyev Vladislav –Mongolian National University, Ulaanbaatar, Mongolia, e-mail: vlad33@bk.ru